

Творческая лаборатория
«Текст»

Мозаика
историй

Евгения Насикан
Ольга Рудковская
Надия Маркова
Елена Самунь
Ольга Кузьмина
Тея Либелле
Алена Подобед
Елена Голуб
Светлана Григорьева
Ида Райт
Людмила Голубева
Олеся Яковлева
Светлана Мокряк
Елена Шмелева
Наталья Швец
Татьяна Василенко
Алла Кучер
Альфия Мансурова
Ирина Жук
Елена Лукинова
Агнес Госсен

**Анна Найдек
Ирене Крекер
Овсянка
Иралия Моисеенко
Лариса Дикк
Мозаика историй**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55559910
ISBN 9785449892423*

Аннотация

Рассказы для взрослых на любой вкус! Смешные и эротические, назидательные и провокационные, волшебные и бытовые, для мужчин и для женщин, о любви и о жизненном успехе... В эту книгу вошли рассказы, которые уже нашли своих восхищенных читателей и мы решили дать возможность почитать их и вам.

Содержание

Рассказы о жизни	9
Новогодний сюрприз	9
Надия Маркова	9
Теплая история	11
Наталья Швец	11
Пропажа	13
Тея Либелле	13
Цена	16
Татьяна Василенко	16
Чудо	19
Елена Самунь	19
Ложь	21
Ирина Жук	21
Подарок под елкой	23
Овсянка	23
Шокотерапия	26
Елена Голуб	26
Мечта	29
Ольга Рудковская	29
Глупости	31
Алена Подобед	31
Орхидеи и жизнь по кругу	33
Ирене Крекер	33

Отворот	36
Елена Лукинова	36
Ария Марии Магдалины	39
Анна Найдек	39
«Друзья уходят как-то невзначай»	43
Елена Шмелева	43
Матрёшка в тельняшке	47
Елена Лукинова	47
Логичен ли подвиг	50
Иралия Моисеенко	50
День в скафандре	55
Алла Кучер	55
За все надо платить или самаркандские страсти	60
Альфия Мансурова	60
Торговый центр	65
Агнес Госсен	65
Маленький	71
Ольга Кузьмина	71
Зеленое стеклышко	75
Тея Либелле	75
Менархе	78
Ирина Жук	78
Банановое танго	80
Светлана Мокряк	80
Счастье	83

Иралия Моисеенко	83
Папин мальчик	88
Ольга Кузьмина	88
Странник пустыни	92
Алла Кучер	92
Стэфа	96
Надия Маркова	96
Маленькая сказочница	101
Агнес Госсен	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Мозаика историй

Авторы: Либелле Тея, Госсен Агнес, Подобед Алена, Кучер Алла, Мансурова Альфия, Найдек Анна, Насикан Евгения, Голуб Елена, Лукинова Елена, Самунь Елена, Шмелева Елена, Райт Ида, Моисеенко Иралия, Крекер Ирене, Жук Ирина, Дикк Лариса, Голубева Людмила, Маркова Надия, Швец Наталья, Овсянка, Яковлева Олеся, Кузьмина Ольга, Рудковская Ольга, Григорьева Светлана, Мокряк Светлана, Василенко Татьяна

Составитель Лолита Волкова

- © Тея Либелле, 2020
- © Агнес Госсен, 2020
- © Алена Подобед, 2020
- © Алла Кучер, 2020
- © Альфия Мансурова, 2020
- © Анна Найдек, 2020
- © Евгения Насикан, 2020
- © Елена Голуб, 2020
- © Елена Лукинова, 2020
- © Елена Самунь, 2020
- © Елена Шмелева, 2020
- © Ида Райт, 2020
- © Иралия Моисеенко, 2020

- © Ирене Крекер, 2020
- © Ирина Жук, 2020
- © Лариса Дикк, 2020
- © Людмила Голубева, 2020
- © Надия Маркова, 2020
- © Наталья Швец, 2020
- © Овсянка, 2020
- © Олеся Яковлева, 2020
- © Ольга Кузьмина, 2020
- © Ольга Рудковская, 2020
- © Светлана Григорьева, 2020
- © Светлана Мокряк, 2020
- © Татьяна Василенко, 2020

ISBN 978-5-4498-9242-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы о жизни

Новогодний сюрприз

Надия Маркова

В дверь позвонили! Счастливая, нарядная, напевая и кружась вокруг новогоднего стола, она открыла входную дверь.

К ее удивлению, на пороге стоял посыльный. Вместе с морозной свежестью и запахом мандарин, он внес в комнату увесистую коробку, поставил на журнальный стол и ретировался.

Сюрприз!

Все их недолгое знакомство – череда радостных сюрпризов, загадочных квестов, подарков и приятных неожиданностей! Вот сейчас он позвонит и войдет, белозубо улыбаясь в костюме Санта Клауса или Арлекино, или...

В праздничной коробке было все, что она любила или на что невзначай бросила восторженный взгляд. Здесь был черный шоколад с ментолом, орешки кешью, икра, морепродукты и другие деликатесы в красочных баночках. Сбоку восседала бутылка вина «Киндзмараули» в паре с ананасом.

В отдельном фирменном пакете – шелковое белье, хала-

тик с розовым боа, изящные туфельки, упаковка с парфюмом Barberry.

Новогодняя мечта – серьги с изумрудными подвесками из бархатной коробочки, мгновенно превратили ее, рыжеволосую учительницу младших классов, в особу приближенную к королю.

От восторга она по-детски ойкала, айкала, улыбалась и иногда хлопала в ладоши.

На дне коробки лежал голубой конверт.

Она открыла его с предвкушением счастья:

«Любимая! Мы больше не увидимся. Никогда. Слов нет.

Прости.»

С высоты упала елочная игрушка и разбилась вдребезги!

Этот и другие рассказы Нади Марковой вы можете почитать в ее книге «Все дело в шляпе».

Теплая история

Наталья Швец

В уютном тепле от камина растворяется усталость, напряжение. На огонь можно смотреть до бесконечности. Есть в нём что-то гипнотическое. Успокаиваются и душа, и мысли. Вспоминаются только теплые истории. Например, такая, как эта.

Точно мальчик не помнит, но, наверное, это был выходной. За правую руку его держал папа, а за левую – мама. Вспоминает, что день был погожий, солнечный. И пришли они в магазин «Детский мир». Это был самый главный игрушечный рай в городе.

Описывать все сокровища, стоящие в витринах, нет смысла. Представляете сами. Мальчика как почти большого (ему уже пятый год), подвели к стеллажу с машинками. Выбериай, какую хочешь! Но мальчик тянулся к прилавку с плюшевыми игрушками. Там, он заметил ещё издали, стояла собакам с длинными висячими ушами. Белыми у неё были только лоб, морда и грудка. Все остальное – ярко-чёрное. Выглядел пёс дружелюбно, черные глаза-бусинки улыбались.

Родители предлагали машинки, расхваливали их достоинства. Мальчик настаивал на плюшевой (девчоночьей,

по мнению родителей) игрушке. Настаивать пришлось громко, очень громко, на весь магазин. Аргументы ребенка оказались сильнее родительских.

Дома мальчик щедро делится с новым другом рыбьим жиром и биточками (хищник всё-таки). На улицу и в кровать – только вместе.

Мальчик вырос. Любимую игрушку «загуляли» собственные дети.

И вот однажды, когда он был уже совсем взрослый, ему исполнилось сорок два года, уже в свой собственный дом, а не в родительский, он принёс совсем маленького щенка с черными глазками-бусинками. Ярко-черными были и плюшевая шерстка крохи и висячие ушки-лопушки.

Мечты сбываются! А внутренний голос ребенка, ещё не приглушенный наносными установками, часто верно подсказывает, кто или что ему, малышу, действительно важно, нужно для становления как личность.

Пропажа

Тея Либелле

Однажды на улице Башмачников в ювелирной лавке Гюстава прозвонил колокольчик.

– Здравствуйте, господин, Гюстав! – вежливо обратился к старику мальчик лет девяти. – Выгравировьте, пожалуйста, на этом колечке «Любимой Анне от Германа».

– Молодой человек, вы еще так молоды. Давайте лучше я напишу «От Германа с любовью?»

– Вы полагаете так более, звучит?

– Я уверен, так ей будет приятнее читать.

Когда гравировка была полностью готова, старик, поправив очки, взглянул на Германа и протянул ему маленький платочек, на котором красиво атласной ниткой была вышита буква «А». Он сказал, что лучше футляра для такого подарка не придумать. Платочек когда-то вышила его любимая жена, Анна. Сердце Германа колотилось в такт его шагам. Солнце катилось за его спиной, перепрыгивая с крыш узких улиц на натянутые тенты летних кафе и цветочных лавок.

В шесть все собрались пить чай. В гости по случаю новоселья были приглашены новые соседи.

Взрослые обсуждали новости страны, города и их старин-

ного дома. Герман с Анной любовались его новой скрипкой и натирали канифолью смычок. Канифоль – это кусочек смолы, которым натирают волос смычка. Без нее скрипка не звучит. В кармане маленького скрипача всегда был запасной кусочек. Ему приходилось много репетировать и тренировочный час дома, по наказу отца, составлял, как и в школе, срок пять минут. Чтобы занять гостью, он принялся нащупывать в кармане канифоль, но, увы, находил только вышитый платочек ювелира.

Чаепитие прервалось в самом разгаре, все присутствующие теперь были заняты поиском заветного кусочка смолы. – Что за переполох? – недоумевали соседи.

Им объяснили – изготовление канифоли бывает разным, но всегда очень дорогостоящим. Некоторые производители добавляют, к примеру, в канифоль настоящую золотую пыль, а также серебро, олово и даже пыль железных метеоритов.

Герман вел поиск энергично, переворачивая все вверх дном. Анна же расположилась у окна и стала скучать вместе с хомяком Билли. Хомяк был толстым и добросовестным, как и его хозяин. Целый день он ел, спал и крутил колесико Времени, подсчитывая свой короткий век. У Анны тоже был хомяк, но от его клетки не было никакого запаха, а здесь она чувствовала, как пахнет в сосновом лесу на их даче.

– Герман, – спросила она. – Что за опилки стелешь ты в клетку Билли? Так пахнет лесом...

Оказалось, Билли сбежал, когда чистили клетку и по воз-

вращении, у беглеца за щекой уже был припасен кусок канифоли, которую, по забывчивости, на столе оставил Герман. Теперь остались только переживания по поводу здоровья хомьяка, которые развеял отец Анны, ветеринар. Он сказал, что хомьяки еще и не то едят.

Допивали чай уже вечером, пересказывая отличный метод местного сыщика Анны, рядом с чашкой которой, лежал батистовый платочек с подарком.

Этот и другие рассказы вы сможете прочитать в книге Теи Либелле «Стрекоза».

Цена

Татьяна Василенко

*Всех тех, кого
Оставил на земле
Расул Гамзатов «Журавли»*

*Светлой памяти Дедушки и Бабушки
Кутырева Ивана Кузьмича и
Кутыревой Евдокии Гавриловны*

– Бабушка, бабушка, смотри, над нами стая журавлей, – восхищённо затараторила Танюшка.

Евдокия Гавриловна подняла голову вверх и замерла. Высоко летел журавлиный клин. Один Журавль спустился ниже других и кружил прямо над их головами. Он так пронзительно курлыкал. Крик, как из раненого сердца...

– ...мы те, кого оставил на земле, – пропела Евдокия.

– Бабушка, почему ты плачешь? – спросила встревоженная внучка.

– Там твой Дедушка, он превратился в белого журавля, – грустно ответила Бабушка. Слезы ручейками текли по её добрым морщинкам.

– А как это: «превратился в Журавля». Он что, волшеб-

ник?

– Да внученька, он – волшебник. Он спас много жизней.

И дорого за это заплатил.

– А чем он заплатил? Долларами?

– Нет, дороже.

– Золотом? Где же он столько золота взял? Чтоб за всех заплатить.

– Он заплатил самым дорогим, что есть у человека – своей жизнью.

– А разве ему не жалко было свою жизнь?

– Жалко, милая. Но ещё более жалко ему было таких малышей, как ты.

– Если этот Журавль – мой Дедушка Иван, что же он говорит нам? Ты же должна его понимать.

– Он говорит, что ни о чём не жалеет. Что часто смотрит на нас и радуется. И ругает меня, что я плачу. Он никогда не мог позволить мне плакать.

– Какой добрый Дедушка-Журавль, какие у него огромные белые крылья.

– Положи маки к памятнику, – сказала Бабушка, утирая белоснежным платочком слезу.

Танюшка подбежала к мемориалу, положила цветы возле надписей погибших, обернулась и посмотрела вверх восторженными глазами.

– Дедушка, спасибо тебе за всё, прилетай к нам почаще, – выкрикнула девочка, махая на прощание рукой.

И до сих пор я вглядываюсь в небо, а когда вижу журавлиный клин, пытаюсь рассмотреть пару белых Журавлей, которые так дороги моему сердцу. когда они пролетают мимо, всегда машут мне и радостно курлычат...

Чудо

Елена Самунь

Мои малышки-двойняшки родились на свет малюсенькими – 2,250 кг и 2,160 кг, и были очень болезненными. Из бронхитов мы просто не «вылезали». Особенно страдала младшая Соня.

Я, как примерная мама, строго выполняла все рекомендации и предписания врача, но все было тщетно. Болезни не прекращались. Начинала бояться простого насморка, так как через пару дней все равно был бронхит.

Особенно тяжёлый период был, когда моим девочкам было чуть больше двух с половиной лет. С ужасом вспоминаю те месяцы. При очередном бронхите Арише (старшенькой) назначили пить антибиотик, а Сонечке – колоть ненавистный Цефтриаксон. Это был март.

Как только мы поправлялись, все начиналось заново. Апрель – Цефтриаксон, май – Цефтриаксон...

Это было выше моих сил. Соня дышала тяжело, было уже подозрение на астму. Мне белый свет был не мил. Не помогало ничего. Я была доведена до отчаяния.

* * *

Я никогда не забуду ту ночь, ночь борьбы за жизнь дочери.

Я плакала и молилась, молилась и плакала. И лишь одинокая луна глядела то ли с жалостью, то ли с сочувствием в мое грустное окно.

Я просила Бога так, как еще не просила никогда в жизни. Я слышала дыхание смерти и готова была на все ради своего ребенка. Но, так же я явственно понимала, что все в Божьих руках. И смерть, и жизнь. Я умоляла о жизни, но не знала, что в планах у Бога. «Да будет воля Твоя, Господи...» Я плакала и молилась всю ночь напролёт. И слушала: дышит или нет.

В какое-то мгновение я наверное уснула, провалилась... Когда очнулась на коленях и в слезах, то за окном уже брезжил рассвет. Мне показалось, что Сонечка стала дышать ровнее. Мне показалось?

С того самого дня мы пошли на поправку, и моя Сонечка после этой болезни еще полтора года была без антибиотиков!

Это было чудом! Великим чудом исцеления! Господь услышал горячие молитвы бедной матери.

С тех пор в моей жизни было еще множество чудес. И они продолжают, и продолжают. Это происходит потому, что я очень верю в Того, Кто эти чудеса вершит.

Ложь

Ирина Жук

Вот лжешь ты или нет, проходя тест?

Слабо узнать без приборов?

Эх, студент есть студент. Полезет разбираться и докопается.

Мало пройти тест на темперамент.

Надо ж узнать, почему один раз компьютер высвечивает «достоверно», а в другой – ставит под сомнение.

Ну вот как ты будешь вести себя в ситуации, когда...

Вот кому виднее – тебе или машине?

Клацаешь по клавишам, результат смотришь... а тебя Станиславского пародируют.

Не верю.

Вот и я призадумалась.

А что делает задумчивый студент?

Слушает препода...

Тихим голосом препода объясняет, что кроме вопросов, в каком стиле проводишь досуг, что будешь делать в неудобной ситуации, есть в профессиональных тестах вопросы типа «Всегда ли Вы вовремя на пару приходите, без опозданий?»

«Всегда ли Вы говорите правду, и ничего, кроме правды?»

И если отвечаешь да, да я всегда всю жизнь 100% вовремя, я всегда с кристальной честностью и правдолюбием...

То система ставит под сомнение все остальные твои ответы.

Врешь нагло.

Не бывает идеальных людей, ни разу не проспавших и не опоздавших.

Лгут те, кто не знает за собой промахов и лжи.

Живые и настоящие опаздывают. Косячат. Ошибаются.

Грешат.

Как ни стыдно признаться.

И это то, что надо помнить о лжи. Что она может идти рядом с безупречностью...

Подарок под елкой

Овсянка

Будучи ребенком, я относилась к новогодней елке с трепетом. Этот арт-объект представлялся чудесным проводником праздника в дом, который торжественно, при параде (как и положено, в подобные моменты) встречает такое знаменательное событие, как наступление Нового года.

Процедура украшения елки, была волшебным ритуалом, выверенным до мелочей, дата и время начала которого оговаривались заранее, не менее чем за неделю. Начинал это таинство папа, собирая и устанавливая зеленую красавицу на мамину швейную машинку. Визуальный эффект, производимый елкой в темное время суток, зависел исключительно от него, поскольку за развешивание новогодней гирлянды также отвечал папа.

В то время как папа занимался техническими вопросами, я продумывала парадную форму «проводника», прикидывая, какие ветви удостоятся любимых елочных игрушек, а затем командовала мамой, принявшей эстафету от папы.

Стоит ли говорить, что разрешали мне приобщиться к этому важному процессу, только при условии моего примерного поведения. Памятуя об этом, я радовала Деда Моро-

за хорошим поведением уже с начала ноября. Кроме поддержания в надлежащем порядке, игрушек, непременным «атрибутом» хорошего поведения были самодельные открытки для папы и мамы, вдохновенно создаваемые мной в преддверии часа X.

Финальная стадия украшения елки (самая ответственная) была всецело моя: я расстилала ватный снег, ставила под елку Деда Мороза, Снегурочку, там же размещала игрушечные деревянные санки, куклу в зимнем одеянии – этакая русская Герда – и плюшевого полярного медведя (куда без него). В итоге народу под елкой было много, и все они наверняка являлись свидетелями таинственного появления новогоднего подарка за их спинами (распространенная среди детей версия его появления там поддерживалась и в нашей семье).

Когда наша ослепительная красавица была готова к наступлению известного события, каждый мой день начинался и заканчивался одним и тем же ритуалом: я осматривала елку, любуясь отражением елки в разных шарах, пристально заглядывая в хитрые глаза ватного Деда Мороза...

Обилие встреч с родными и друзьями семьи по случаю наступления волнительного события, неизменно сопровождавшегося обменом презентами, навело меня на мысль...

– Мама, Новый год – это праздник, на который родные и друзья дарят друг другу подарки?

– Да, так.

– Тогда скажи, почему незнакомый старичок оставляет мне подарок под елкой к Новому году, а вы с папой меня не поздравляете?

– ...

С тех пор, утром Нового года меня неизменно ждали два подарка: один, как и прежде, от Деда Мороза, второй – под подушкой, от родителей.

Шокотерапия для сладкоежек

Елена Голуб

Моя студенческая юность пришлась на времена повального дефицита. Слово «купить» было вытеснено из нашего лексикона более актуальным «достать». Доставали по благу буквально всё: от отреза на платье, хрусталя, мебельной стенки, до палочки сервелата.

Ну а коробку шоколадных конфет можно было себе позволить только по большим праздникам и знаменательным датам. Мы с девчонками заказывали такой вожденный подарочек «из-под полы» у сокурсницы. Её мама работала технологом на кондитерской фабрике, и мы ей страшно завидовали. Ведь люди, допущенные к дефициту, почитались если не как боги, то как полубоги однозначно.

Как-то в гости на Восьмое Марта приехали мои двоюродные сёстры. С собою привезли целый пакет сладкой радости – шоколадных конфет. Вау! Я разглядывала разноцветные фантики, с трудом вспоминая, когда в последний раз встречалась с этими «гостями из прошлого».

Задаю сакраментальный вопрос:

– Откуда такая роскошь, где достали?

– Нам на фабрике к каждому празднику выделяют, – буднично ответили сестрёнки.

– Везёт! – с завистью протянула я. – Классно работать на кондитерке!

– Да какие проблемы?! Хочешь экскурсию тебе устроим? Посмотришь, попробуешь что захочешь. На территории это не возбраняется, с собою только выносить нельзя.

Я не могла поверить своим ушам. Надо же! Вот она, детская мечта, попасть в шоколадное царство – прямо на блюдечке с золотой каёмочкой!

– Что за вопрос глупый!!! А можно подругу с собою взять? Сестры великодушно согласились.

Ура! Мы с Галкой основательно подготовились: почти целый день ничего не ели, сэкономили место в желудке на завтрашнюю дегустацию.

И вот мы там. Впечатление, что очутились в каком-то параллельном мире, там где молочно-сгущённые реки, зефирно-шоколадные берега, ореховые горы. Какой кайф, брать ещё горяченькое печенье, обмакнув в кружку со сгущенкой, ощущать как оно тает во рту. Зажав в ладони пригоршню фундука, подцепить с ленты только что покрытое шоколадным панцирем воздушно-нежное «Птичье молоко».

Чего там только не было: «Белочка», «Мишка косолапый», «Метеорит», «Кара-Кум», «Красный мак»...Боже, неужели всё это не сон, и шоколадное изобилие в немеренном количестве каждый день производится здесь? Вот толь-

ко остаётся загадка: в какую чёрную дыру всё это проваливается, оставляя в наших магазинах стерильно-пустые полки???

Уф!!! Ну надегустировались же мы. Реально, до тошноты!

О шоколаде даже вспоминать-думать-представлять не моглось и не хотелось. Такая вот шокотерапия для отчаянных сладкоежек.

Мечта

Ольга Рудковская

Писать я мечтала очень давно. Очень. Еще школьницей.

Новый учитель русского языка и литературы, который пришел преподавать нам этот предмет в 8-м классе, сразил нас наповал нестандартным подходом к преподаванию своего предмета.

Он не уставал повторять, чтобы мы выкинули из головы шаблоны и уверенно высказывали свои мысли и чувства о героях и прочитанном.

Еще проводил какие-то неожиданные викторины и конкурсы, проверку языкового и литературного чутья, и многое другое.

Всего не вспомню.

Главное, что поражало: на его уроках, даже закоренелые двоечники стали оживать и с интересом включались в происходящее.

Учитель от Бога, хотя Бога тогда признавать запрещалось.

Ему не дали долго поработать. Вскоре он уволился.

Однако все, кто хотел учиться дальше, ходили к нему еще какое-то время на литературной кружок, который он вел в каптерке, не знаю уж какого объекта.

И там мы учились писать о разном. На свободные темы.

И он говорил мне каждый раз, читая очередное написанное: «Ты должна писать!»

А потом он внезапно исчез.

Говорили, что ушел вместе с женой и детьми в какие-то горы.

Насовсем.

Отказался от мирского и суетного.

Не знаю. Правда ли это.

Я планировала поступать в МГУ на факультет журналистики.

Его исчезновение пошатнуло мою веру в то, стоит ли мне вообще учиться тому, что будет в последствии подвергаться строгой цензуре.

Я не хотела жить оглядываясь, страшась и приспособливаясь.

Я начала совсем другую жизнь и забыла о своей Мечте.

Теперь она рядом.

Пора.

Этот и другие рассказы Ольги Рудковской вы сможете почитать в ее книге «Истории длиною в жизнь».

Глупости

Алена Подобед

Мите было лет пять, не больше, когда сосед Колька позвал смотреть...

Ну, в общем, однажды летом, когда Митька возился в песочнице, играя в танчики, прибежал взволнованный Колян и позвал смотреть... Иркины глупости.

Про «шебутную» Ирку, десятилетнюю дочку Колянова отчима, Митя слышал от своей бабушки и раньше. А вот про «глупости» не знал ничего, потому что был «домашний». Но виду не подал, а лишь подумал: «Глупости, глупый, дурачок... Видно, Ирка дурочку ломать будет. Точно „шебутная“, факт».

Митя и сам любил подурачиться. И вообще, они с Коляном во дворе такие сражения порой устраивали, такие игры, что мамы потом их никак отмыть не могли.

Но, по правде-то, бывалый друг, ходивший в среднюю группу детского сада, считал Митьку маменькиным сынком и тютей. Так что надо было держать марку.

Идти пришлось недалеко – в сарайку, что за Колькиным домом.

Ирка оказалась смешливой и рослой кудряшкой с ва-

сильковыми глазами. А глупостями... какая-то глупость. Да у девчонок *там* вообще и нет-то ничего. Не то что у мальчишек. Они сравнили и даже потрогали одним пальчиком. Глупость сплошная и есть!

Но все же была в этой глупости какая-то невероятная тайна. От одного лишь взгляда на нее становилось жарко и...

Уф...

Комсорг школы, принимавшая в пионеры Митькин четвертый «Б», оказалась... Ирккой! Невероятно красивой и теперь уж точно взрослой.

– Какие у тебя пушистые ресницы, Митя, – тихо сказала взрослая Ирка, повязывая ему красный галстук. И все та же горячая волна залила Митины щеки и предательски запульсировала, как и тогда в сарае, где-то там.

Там...

А потом был выпускной. И они пересеклись еще один, но уже последний раз.

Ирка незаметно подошла сзади и, почти касаясь губами Митиной шеи, шепнула:

– Вот ты и стал взрослым...

И протянула бутылку армянского пятизвездочного коньяка, явно с учительского стола. Тогда уже она вела английский в школе.

А Митьке английский к чему?

В институте надо было сдавать немецкий!

Орхидеи и жизнь по кругу

Ирене Крекер

В один из выходных дней я одиноко сидела за рабочим столом у компьютера. Морозное солнечное утро не предвещало ничего нового или неожиданного: никаких запланированных встреч, событий, отсюда вытекающих всплесков чувств и эмоций. Снежинки за окном неспешно плыли в объятиях холодного ветра. Голубое небо манило к себе и давало надежду.

Тогда ещё была помоложе и созерцала мир в ожидании редких мгновений неуловимого счастья. Но затворничество в четырёх стенах у монитора начало угнетать. В какой-то момент мне опостылело оставаться наедине с самой собой. Появилось страстное желание вырваться из домашней атмосферы на свободу.

Взгляд упал на уже не первый день цветущие на подоконнике орхидеи. Появилась мысль: «Как давно я не обращала внимание на эти цветы. Какой несравнимой красотой возрождающейся жизни веет от них! Цветы распустили бутоны, как будто приветствуют меня открытостью и белизной, скромной нежностью и гармонией цветов».

Орхидеи – мои любимые цветы с тех пор, как увидела

их впервые. Они – символ Любви и Верности, Обновления и Возрождения. Цветок подарили дети. С тех пор прошёл почти год. В какой-то момент от него остались лишь голые стержни. Показалось, что он уже не возродится, но рука не поднялась убрать его с окна, выставить на улицу. Для меня это значило – потерять что-то светлое, уничтожить, предать.

Животворные руки мужа поколдовали над ним по какому-то ему одному ведомому ритму оживления, прикосновения, поливания, и цветок ожил, продолжил своё существование, получил вторую жизнь. Теперь он стал уже возрождённым подарком от мужа, который и не подозревает, что стал неожиданным героем моего рассказа.

«Так и человек, – подумала я. – Казалось бы, он лишился энергии, слаб, немощен, потерял ориентир в жизненной суете, но стоит обратить на него внимание, сказать доброе слово, похвалить поступок, и через минуту вы не узнаете в нём того первого, поникшего, потерявшегося, слабого и безвольного. Откуда только что возьмётся. А если ещё солнышко коснётся его своими лучами, ветерок пробежится по телу, лаская и приветствуя, прохожий улыбнётся, заставив, почему-то неосознанно, волнуясь, улыбнуться в ответ, то жизнь обретёт новый смысл, возможно начнётся с чистого листа».

Такова была прелюдия того памятного зимнего утра, в которое я поняла, что всё, что происходит с нами, зависит от эмоционального настроения и волны свежего воздуха свобо-

ды, которые можно ощутить, соприкоснувшись с жизнью, став её участником.

С того момента прошло почти десять лет. За это время я дала волю своим желаниям. Увлекла мужа стремлением познать мир через посещение различных стран и континентов. Жизнь обрела смысл.

И вот встреча с вами, дорогие коллеги по перу. В дни непредсказуемых перемен, она даёт надежду на выход из создавшейся ситуации на новый жизненный уровень, наполненный неповторимыми мгновениями любви, добра и света.

Вспомнились слова Гёте из «Фауста»: «Остановись мгновенье, ты – прекрасно».

Этот и другой рассказы Ирене Крекер вы можете прочитать в ее книге «Жизнь не по учебнику».

Отворот

Елена Лукинова

С Наткой мы сидели в уютной кофейне и делились произошедшими событиями.

Правильнее сказать, буйствовала эмоциями она, рассказывая подробности последнего фееричного романа.

– Не, ну все было волшебно! Весь конфетно-букетный период был невероятно романтичен. А поездка в Италию и неделя в городе Сирмионе на озере Гарда это не просто восторг и восхищение, а бурлящий вулкан эмоций.

И, – тут подруга кокетливо усмехнулась, – такое неординарное предложение руки и сердца у меня было впервые. Да и сам Олежа, в общем-то, мужчина с одной стороны, что надо! – тут подруга как-будто мысленно перестроилась на другую реальность.

– Так в чем же дело, Натка? Ты дала согласие?

– Тогда – да. Но все изменилось.

Когда мы вернулись из Италии, я уже пригласила его к себе домой. Ну ты же знаешь мои правила: мой дом – моя крепость, куда вход разрешён только самым близким. И я решила, что будущий муж имеет право уже попасть в мою обитель. Когда мы пришли, видимо, мой любимый пушистик Нафа-

ня, не привыкший к чужим людям, испугался голоса нового человека и в тот момент, когда я открыла дверь квартиры, прошмыгнул на лестницу. Тут уж испугалась я, ты же помнишь, какой Нафаня у меня домашний. Бросилась его догонять. Но он, паршивец, успел где-то спрятаться.

Я, мигом успевшая превратиться из обворожительной обольстительницы во взъерошенную тётку с огромными озерами паники в глазах, явно Олежу удивила. Поначалу он мне даже попытался помочь искать кота. Но скорее изображал попытку.

Самое интересное, что даже находясь в состоянии паники, я умудрилась краем глаза отмечать действия Олега. Эдакое непрекращающееся тестирование кандидата и анализ.

И вот, как мужчина-праздник он замечателен. Креативный выдумщик и романтик.

Но как помощник в каких-то житейских мелочах Олежа пасует. Контрольным выстрелом по нашему совместному будущему была фраза: «Наточка! Да найдётся твой кошак. Не переживай так. Пошли уже. Ты за него так волнуешься, что можно подумать, твой кот тебе дороже, чем я!»

Надо знать мою подругу. Она обожает своего пушистого питомца. Говорит, что с ним прошла через Крым и Рим и т.д.

– И что ты ему ответила? – мой вопрос подруге уже был чисто риторическим.

– Да! Я ему ответила, что, ДА, мой кот мне дороже тебя! И указала направление, в котором порекомендовала уско-

ряться. В общем, подруга, я снова свободна! И Нафане благодарна за то, что всякую нечисть от дома отваживает, – Натка довольно рассмеялась.

А я в очередной раз восхищалась подругой. Её оптимизмом и задором. И точно знаю, все хорошее впереди!

Эх, подруга! Нам ли быть в печали?!

Ария Марии Магдалины

Анна Найдек

Бывают истории о великих победах и грандиозных достижениях. Но они не мои. А моя – о крошечной славе и маленьком триумфе. Но длиною в жизнь.

В шестнадцать лет я поступила в Киевский политех. Была в группе на год младше всех, а в общежитии – так вообще самой что ни на есть «салагой». Но быстро обрела статус местной «звёздочки». Благодаря гитаре. В те годы это был беспроектный вариант популярности. А я не только играла, но и пела песни собственного сочинения.

Ловит меня как-то на кухне общежития пятикурсник Костя Марченко – босс местной радиорубки. Приглашает поговорить и попеть в прямом эфире. Я очень смутилась. Петь по радио, пусть даже мелкого разлива, это вам не бренькать на диване для своих. Но Костик умел уговаривать. Передача прошла на ура. Я спела несколько своих песен. А на утро проснулась «знаменитой» аж на всю общагу.

Дальше народная молва дошла до Лёвы Сивцева – лидера факультетского ВИА «Аргонавты». Лёва пригласил на репетицию. А я до конца держала небольшую интригу. Дело в том, что ударником в этой группе был мой старший брат

Мишка, по стопам которого я и потопала в КПИ. Он уже заканчивал учебу, был женат и жил на квартире. А в общагу наведывался изредка, либо на репетиции, либо меня проводить и поддержать.

Короче, там мы и встретились, в тёмном гудящем басами и барабанами подвале общаги. Мишка оторопел от моего появления. Он, конечно, слышал, что и как я пою. Мы дома много музицировали вместе. Но когда я запела под бас и ритм гитару, под клавишные, под ударник, – это было уже что-то совсем другое!

Выступила пару раз с ребятами на студенческих вечерах. Но мой репертуар был явно из «другой оперы». Как-то Лёва дает мне магнитофонную кассету и заявляет: «Здесь куски из рок-оперы „Иисус Христос – Суперстар“. Учи арию Марии Магдалины. Будем играть!»

Легко сказать – учи. Английский был на «школьном» уровне, то есть, никакой. Текста перед глазами нет. На слух записывала слова, а потом по словарю пыталась подобрать аналоги. Смысл текста даже и не пыталась понять глубоко. Про любовь женщины «легкого поведения» к Христу. Этого достаточно. Всё остальное передает музыка. Слушать особо – тоже не на чём. Магнитофон надо было одалживать и ждать очереди. Петь тоже негде – в комнате кроме меня ещё трое. Облюбовала скамейку в глухом углу парка КПИ и тихонько мурчала себе под нос текст со шпаргалки.

Репетиции тоже шли туго. Я не вытягивала эту арию ни

по вокалу, ни по погружению в тему. Мы всё же сыграли её один раз на публику. Спела сносно. Но это не была исповедь женщины, узнавшей боль и преобразование истинной любовью.

По-настоящему я спела эту арию очень много лет спустя. Уже под «минусовку» в сети. Уже после сильных потрясений на личном фронте. Вначале я просто рыдала через строчку.

I Don't Know How To Love Him

Точно, я совсем не знаю, как его любить, действительно – не знаю. Всё кажется не так, не достаточно, невыразимо.

He's a man he's just a man

And I've had so many men before

Ну да, он просто человек, просто мужчина. Один из мужчин, не Христос, конечно. Но почему он? Почему же так больно?

I've been changed yes really changed

И конечно, я изменилась. Да, действительно, изменилась. Меня это чувство «перепахало» и заново засеяло. Я уже другая.

Yet if he said he loved me

I'd be lost I'd be frightened

Боже, даже если бы он сказал, что любит. Что бы я с этим делала? Не имею понятия. Наверное, испугалась бы или сбежала.

Мне казалось тогда, что в тексте каждая буква – обо мне, и каждая нота – про мою суть.

С тех пор я пою её изредка и удивляюсь новым смыслам. Будто она меняется вместе со мной – ария, длиною в жизнь. Триумф и слава любви.

*P.S. Этот и другие рассказы Анны Найдек вы можете почитать в сборнике «**Бася роняет тень**».*

«Друзья уходят как-то невзначай»

Елена Шмелева

Дачники заборов глухих понастроили. Ничего за ними не видно. Алене был открыт только кусочек старой серой крыши и чердачное окошко дома. Синяя краска вокруг него совсем облезла. Здесь жила ее подруга Надя, в детстве они много времени проводили на ступеньках у дома или на низкой лавочке. Играли с куклами, рисовали. «Как там крылечко? Жив ли дикий виноград, который закрывал нас от солнца?» – Алена постояла минутку и пошла дальше по улице.

Раньше у всех был низенький штакетник. Через него все рассмотришь, что у кого цветет, растет, кто приехал. Бабушки друг к другу в гости заходят на лавочке сидят и следят: «Кто идёт, что несёт?». Они всех по именам знали. Алена вспомнила, как в детстве она шла по дороге и всех приветствовала:

– Здравсьте, бабМаш, тетъСонь.

– Здравствуй, Леночка. К Наде идешь? Или в магазин? – непременно спрашивали они.

Нельзя не ответить. Нужно подойти к калитке, рассказать. Крылечко Надюшкиного дома было все увито диким виноградом. Сквозь листочки высовывали свои яркие белые уш-

ки солнечные зайчики. Алена приходила к подружке с кучей цветных лоскуточков и ниток, девочки шили куклам наряды. Когда все платья были готовы, подружки оставляли это занятие и решали, куда пойти погулять.

– Побежали на кукурузное поле? – предложила Аленка.

– Давай! – согласилась Надя. – Нарвем початков. Найдем красивые с длинными хвостами-волосами.

– А потом съедем! – рассмеялась подружка.

Девочки ели сладкие молодые неваренные початки кукурузы. Рассуждали, что вообще-то нехорошо их воровать с колхозного поля.

– Ты видела пшеницу убрали, и уже стог сделали? – сказала Аленка.

– Да. Когда залезем? – тут же отозвалась Надюшка.

– Давай вечером вместе с ребятами, когда будет не так жарко!

Солома колючая, стог высоченный. Мальчишки пугают, что сейчас вылезут мыши. Наверх забираться тяжело, но очень хочется. Речка, лес, ручей. Лето большое, везде успевали Аленка с Надюшкой погулять. Всегда были веселые детские приключения.

Фото Елены Шмелевой

Девушки не виделись несколько лет. Встретились, когда им исполнилось по восемнадцать. Надюшка была очень худой с огромными глазами.

– Ты разве не знала? У меня же с детства диабет, – поделилась она с подругой детства.

Алена то ли не знала, то ли старалась не думать, что Наде бабушка какие-то уколы делает каждый день. Расспрашивать она всегда стеснялась. Договорились встречаться. Но у них не получилось, потому что Надя подолгу была в больнице. Аленину жизнь сильно изменило рождение детей. Она вспоминала про Надю, но каждый раз откладывала визит, не было времени поболтать, дети забирали все ее внимание, в гости ходить некогда.

Однажды в очереди за молоком молодая женщина увидела соседку своей подруги детства:

– Тетя Валя, как там моя Надя? – поинтересовалась Алена.

– А ты разве не знаешь? Ее уже год как с нами нет, – тетя Валя вздохнула и стала расспрашивать о детях.

Алена что-то вежливо отвечала, но в голове звучала одна мысль: «Не пришла, не сказала нужных слов Наде, откладывала на потом и не успела». Молодая женщина гуляла по дачной улице одна, дети подросли, теперь катаются на велосипеде без нее. Ей не с кем поболтать, вспомнить кукурузное поле, куколок, тряпочки. Алена думала о Наде, в душе звучали слова старой песни: «Друзья уходят, кто же остается? Друзья уходят, кем их заменить?»

«Ничего не буду откладывать на потом, буду говорить близким добрые слова сейчас, чтобы потом не сожалеть, чтобы не оказалось поздно. Надя, буду хранить тебя в своем сердце», – подумала Алена и повернула в сторону дома, надо встречать детей и готовить ужин.

Эту и другие байки Елены Шмелевой вы можете прочитать в ее книге «Баклажановый сироп»

Матрёшка в тельняшке

Елена Лукинова

Давно это было, в конце восьмидесятых примерно, когда и до СССР дошли джинсы, как предел мечтаний.

В одесском порту на судне, прибывшем из Турции, случился пожар в трюме с тюками, набитыми всякими тряпками. Ну, в смысле, барахлом всяким. В общем, одеждой модной, заграничной, на радость любителям пофорсить.

Мечтающие раздобыть дефицитный товар по знакомству или на базаре втридорога, ну, или ещё какими путями-дорогами известными в то время, изощрались в погоне за обновками, как могли. Хочешь жить – умей вертеться. Девиз на многие годы для расторопных и ушлых. И таки крутились и изворачивались, как получалось.

Мой знакомый тогда был курсантом мореходки, проходящим практику с одnogруппниками в порту. Ну, и, естественно, самую черновую работу, а именно, разбирать, выгребать, выдраивать в трюме после пожара, поручили им, зелёным салагам.

Работка та ещё. Кто знает, как драить гарь, тот поймёт.

Но был один приятный бонус. Разбирая полусгоревшие пакеты с джинсами, нашли и несколько уцелевших пар.

Не иначе как небеса решили оплатить курсантам их труд, зная, что начальство этим не заморочится.

Молодые ребята были в восторге и предвкушении. Это же теперь они будут самые модные парни на всех танцевальных площадках. В джинсовом прикиде смело можно будет подкатывать к самым ярким, самым красивым и самым недоступным девушкам.

Шансы на успех становились космическими.

Было одно но!

Как вынести обновки через проходную, где охрана бдит зорко и сУрьёзно? И они включили смекалку. Голь на выдумки хитра.

В ту летнюю пору курсанты носили лёгкие широкие брюки-робу. Сами же были стройными и худенькими. Так что решили воспользоваться широтой штанин себе во благо.

Вот под них ребята и натянули по три пары джинсов. По три пары плотных брюк, Карл! В знойное палящее лето!

– Костян, ты главное не кипиши. Иди спокойно и уверенно мимо охраны. Не дергайся, не нервничай. Будь естественным и не попали контору. Понял? – поучал напарник товарища.

– Та, понял я, все понял. Пошли уже, а то мне и так уже от жары фигово. Ща спрею. Не дрейфь, все путём.

К пункту пропуска подошли вразвалочку, разговаривая на отвлеченные темы. А у самих в штанах Африка накалялась. Постепенно жар распространился по всему телу.

– Ребята, Вы чего такие красные, как раки варёные? Не заболели? – пограничник на проходной с подозрением их рассматривал.

– Та не, – как можно развязнее ответил Костик, хотя сердце, то ли от парникового эффекта, то ли от страха колотило где-то в районе горла, сжимая его, – умаялись. Сначала в трюме корячились, а потом на солнышке отдыхали, вот и подзагорели.

– Ааааа, ну понятно. Проходите.

В этот момент пограничнику что-то шепнул на ухо его помощник. Проверяющий внимательно оглядел парней снизу вверх.

Курсанты поняли, что их трюк «матрёшка» незамеченным не остался.

– Вы, ребята, идите домой быстрее, пока не запарились. Ещё немного, и ваши бубенчики сварите вкрутую! И все! Аривидерчи потомкам! – и громко заржали, вслед быстро удаляющимся будущим морячкам.

В тот вечер Костик и Шурик, несмотря на перегрев, почти что тепловой удар, на дискотеку все-таки пошли. И там тоже получили удар. Только не тепловой. Удар популярностью.

А Вы говорите, что не одежда красит человека. Красит! Доказано опытным путем. А если не верите, у Костика и Шурика спросите.

Логичен ли подвиг

Иралия Моисеенко

– Мамулечка, что такое подвиг?

– Я думаю, когда ты делаешь до конца что-то через большое усилие, очень важное для тебя или для людей. Бывают ещё героические подвиги. А почему ты спрашиваешь, дорогой?

– Нам задали сочинение на тему «Логичен ли подвиг?»

– И что ты думаешь об этом?

– Я размышляю.

«Что есть подвиг? Для каждого он разный. Кому-то посидеть в тишине именно сейчас, это подвиг. Для кого-то подвиг бросить курить, пить. Для кого-то сейчас трудно не заглядывать туда, откуда он ждёт сообщений, кому хочет писать, кого любит. Может быть, это маленький подвиг. Логичен ли он?»

В одной из своих книг В. Фромм сравнивает человека, находящегося в концентрационном лагере, с тем человеком, который осуждён на десять лет и находится в заключении. Осуждённый может отсчитывать годы, месяцы, дни, делать зарубки и знать, что придёт конец срока и он будет освобожден. Он совершает подвиг над собой, хотя перед этим он со-

вершил преступление.

Жизнь в концлагере ежедневный подвиг, не добровольный, человек не знает своего срока, не знает, будет ли вообще свобода у него. Может быть, это последнее в жизни, что у него есть, ведь тех, кто находится рядом с ним, периодически сжигают в печи.

Подвиг не впасть в апатию, подвиг не стать безразличным. Фромм описывает случаи, когда находившиеся в концлагере становились настолько безразличными ко всему, что не выходили на построение, где раздавали наряды на работы, не принимали пищу. Они полностью теряли смысл жизни. В тех условиях стремиться выжить, иметь цель действительно был подвиг. Логичен ли он? Разумен? Думаю, да. Цель: выжить и не деградировать.

Подвиги бывают разные. И ценность у них разная. Совершаем подвиги, о которых пишут, за которые дают награды, а простое прощение человека, заставить его улыбнуться, обнять его – иногда тоже подвиг.

Да, наша жизнь состоит из подвигов. Для некоторых, даже если это и звучит как ирония, утром подняться с постели – подвиг.

Когда человек теряет смысл жизни. Когда он встает и знает, что его ждёт бой, или, когда он встаёт и знает: его ничего и никто не ждёт.

Наша жизнь сама по себе подвиг. Только каждый совершает свой подвиг.

Дотянуть на горящем самолёте до реки, чтобы он не взорвался над городом, это подвиг.

Мой дядя при взятии Будапешта совершил подвиг. Побежал с гранатой навстречу пушке, которая постоянно стреляла из арки на площади. Войска не могли пройти. Дядя побежал. Одновременно выстрелила пушка, и он бросил гранату. Пушка замолчала, город взяли. А дядя очнулся в Москве в госпитале глухой, слепой и парализованный на одну сторону тела. Это тоже подвиг. Об этом написали. Ему дали Героя. Логичен ли был этот подвиг? Разумен?

А разве не подвиг для мальчишки совершить какой-то рискованный шаг перед девочкой? Прежде ради любви отказывались от короны, начинали войны.

Подвиг дойти до конца, не бросить начатое дело. Написать диплом, защитить его. Начать тренировки, получить результат, закончить музыкальную школу.

Все ли подвиги победные?

Когда маленький ребенок подчиняется взрослому, иногда для него это подвиг.

Можно построить АЭС, БАМ и это тоже подвиг. Но прийти на ликвидацию последствий после взрыва на этой атомной станции победный подвиг.

Да, скажете вы, что-то много подвигов, Подвиг, это то, что подвигает нас что-то делать. Вор, который решился что-то украсть, пошёл, украл, ему удалось. Да, для него это был своего рода подвиг. Логичен ли он? Разумен? Не каждый подвиг

приводит к победе.

Люди поют себе дифирамбы, превозносят себя, строят и разрушают. Теория эгоизма, даже если не провозглашается открыто, работает, она живет в сердцах людей.

Кому-то подвиг принять ребенка, подвиг потом его терпеть, он не вписался в те рамки, которые ему были уже заранее поставлены. Он не такой, как ожидалось, нужно напрягаться, нужно любить, когда злишься. Нужно терпеть, когда не хочется, а хочется осуждать, когда нужно похвалить, идет неприятие вместо любви.

Когда берёшь сироту, калеку, больного, инвалида, это начало подвига. Но когда потом любишь все его дурные привычки, любишь его таким, каким ты взял: кривым, косым, обозлённым, эгоистичным и гордым, и ты продолжаешь его любить-это подвиг. Когда ты не выкладываешь фотографии в социальные сети на весь мир какой ты добрый. Ты еще не взял, а тебя уже хвалят. И победить в этом себя это тоже подвиг.

Подвиг жить, когда вас много в семье и нужно приспособливаться к каждому, или когда пытаешься выжить в трудных обстоятельствах. И подвиг одиночества.

И кто-то ночь не спал, пёк куличи, это тоже подвиг.

Боль. Больница. На операцию. Ты был всё время с родителями, а тут тебя на каталке везут одного и принимай решение: терпеть, реветь и нет никого рядом. Тяжело учиться подвигу.

Встать на колени перед Богом и сказать, что ты грешник, попросить прощения, когда ты знаешь, что ты жил хорошо, ничего плохого и не делал. Это подвиг! Логичный. Потому что приводит к победе.

Но он бы ничего не стоил, если бы не совершился главный подвиг во вселенной.

На Кресте. Когда Христос пришел и сказал: «Я вас так сильно люблю, идите ко Мне, Я столько в вас вложил сил, любви, творчества... Вы уникальны. Таких, как вы, не было никогда и не будет больше. Я вас очень люблю. Не погибайте!»

Его подвиг был победным!

Господь всё испытал: и одиночество, и принял нас как сирот, усыновил, совершил подвиг красоты, совершил подвиг справедливости и не только горящий самолёт над городом отвёл, над всей землёй страшную беду отвёл от гибели вечной. Он сделал всё, что было нужно.

Нет ничего более великого и сильного, чем сила любви. Эта сила Его воскресила.

Он воскрес! Он победитель! Единственный победитель! И это логично!»

– Мамочка, я написал. Тебе нравится?

День в скафандре

Алла Кучер

«Пошли, скрипач, в открытый космос...»

«Кин-дза-дза!»

Вы любите Космос? А что вы знаете о нем?

Странный вопрос, наверное. В наше-то время, когда «космические корабли бороздят» и так далее. Когда интернет всегда под рукой, а мы нашпигованы информацией так, что через край...

Это уже банально. И даже запредельно далекое кажется здесь, рядом, под рукой.

Я не знала, как подойти к такой красивой, но специфической для меня теме.

А потом просто надела скафандр.

И понеслось...

Признаюсь, за последние непростые годы я это делала уже не один раз.

Я о скафандре...

Надеваю скафандр, когда хочу отгородиться от чужой глупости, назойливости или просто побыть одна.

В своем Космосе.

На самом деле Космос и я созвучны. Многомерность и за-

вораживающая бесконечность меня притягивают и долго не отпускают. Я часто занимаюсь поиском чего-то, о чем ничего не знаю и куда не попасть просто так.

На моей тумбочке в спальне уютно пристроилась книга. Это «Вселенная» Стивена Хокинга.

О, там много о чем можно узнать: пространство и время, черные дыры и новые Вселенные. Не то чтобы я эту книгу старательно читаю, но периодически заглядываю. Открываю иногда наугад – что там сегодня? О, это же пророчество:

«Однако, в конце концов у Солнца кончится ядерное топливо. Этого не случится ещё примерно пять миллиардов лет, так что можно не спешить заказывать билет на другую звезду».

Отлично, мне это подходит. Можно даже сказать, дает силы и вдохновляет на завтрашний день.

Книжная чёрная обложка с белыми буквами напоминает тот самый Космос. Великий и необъятный мир.

А недавно я узнала о таком явлении, как Сопряжение Сфер. Но это уводит мысли еще дальше, в другие миры, наполненные магией, фантастическими существами и другими смыслами. Поэтому сегодня смиренно пройду мимо.

Кроме книги у меня есть персональный гид по звездному небу. Проверенный годами и временем. Мой муж умеет «идти по звездам», полагаясь на врожденное чувство пространства и штурманский опыт. А мне достаются облегчённые версии экскурсий среди звёзд.

Пояс Ориона и Дельфин, Альфа Лиры с ярким Сириусом, Кассиопея и Полярная звезда. Я привычно поднимаю голову в далеких странах и пытаюсь найти хотя бы то, что знаю. Свою маленькую точку опоры в чужом месте. А как интересно сравнивать звездное небо северного и южного полушарий.

Однажды занесло на мыс Канаверал во Флориде, А там... Ну, да, там же Космодром NASA!

Конечно, я для себя нашла оправдание – надо же сыну показать ракеты и космические корабли. Мы на космодроме пошалили, забираясь внутрь ракет, бегая внутри и заглядывая в таинственные отсеки. Я все ждала, что мой сын скажет, что хочет быть космонавтом. Но нет, не сказал. А вот про летчика задумывался.

Там же, во Флориде, состоялся семейный «полет на Марс».

О, Боже! Если эта коротенькая имитация полёта задаёт такие ощущения перегрузок, эмоций приземления, взлёта, то что ж там на самом деле происходит! А этот гул двигателей и дребезжание, и понимаешь, что такое «земля уходит из-под ног». И выходим из космического корабля, пошатываясь, под суровую героическую музыку, такие почти астронавты. Настолько эпично и захватывающе! Это невероятно, но с тех пор я думаю, что на Марсе уже побывала.

Один далекий друг называет меня «инопланетянкой». Это смешно, ведь по знаку я Дева, земная и прагматичная. Но,

возможно, он считает это оригинальным комплиментом.

Только иногда он говорит, что смотрит на звезды и думает обо мне. И даже передает какое-то мысленное послание. Вот тут я теряюсь и не знаю, что сказать. Но, если честно, приятно быть для кого то не такой, как все. Пусть даже чуть-чуть «инопланетянкой».

А однажды дело было под наркозом. Отключившись, я попала в лапы страшных видений и думала, что нахожусь среди пришельцев. «Пришельцами» были люди в белых халатах и масках, и мне очень хотелось отбиться от их рук. Но под наркозом не отобьешься. Пришлось терпеть.

А через 5 лет я случайно узнала, что у меня только одна доля щитовидной железы. Врачи озадачены. И я в недоумении. И только муж пошутил по этому поводу: «Может, инопланетяне похитили?»

Вот дела, не знаю. И, кажется, это не смешно. Так и живу, не понимая, куда подевалась половина нужного органа.

А как быть с моей подругой Лунной Кошкой? Уж в её существовании я не сомневаюсь. Эта Кошка знает тайные дорожки среди Звездного неба. Легко прыгает ночью между Вселенными и Мирами. А утром не добудишься, и не потому, что она лентяйка.

Но я в скафандре долго гулять не приспособлена. Не привыкла ещё. Пора снимать и возвращаться домой.

Потому что здесь у меня тоже звездопады с загаданными желаниями или с теми, что пока не успела загадать. И звезд-

ная пыль, брошенная маленькой феей Динь Динь, падает на бумагу, осыпается звёздами, и мне опять блуждать среди них бессонными ночами.

И чувствую я себя вечным странником в бескрайнем мире, где каждый стремится отыскать свою звезду.

За все надо платить или самаркандские страсти

Альфия Мансурова

В августе 1973 года, махнув на прощание любимой Казани новеньким дипломом химика, мчусь на отработку практики в центральные Кызыл-Кумы. Есть среди друзей и такие, что крутят пальцем у виска в мою сторону.

Рейс отправляется с большой задержкой, пара часов в Ташкенте, и вот уже сижу в прохладном салоне новенького Як-40.

Через час полёта над пустыней садимся на маленьком пятачке затерявшегося в песках аэропорта. Город-оазис Навои встречает пеклом в 44°C.

На выходе из самолёта колючий ветер обжигает лицо – невольно прикрываю глаза, на зубах скрипит солоноватая песчаная пыль.

Так начинается моя новая эпоха в древнем Туркестане – государстве Саманидов, которая продлится ни много, ни мало, тридцать два года.

Исмат – молодой специалист, стажёр аммиачного производства. Самаркандский таджик. Крепкого телосложения, смугл, вальяжен. Чёрные лоснящиеся волосы прилизаны на-

бок, небольшие глазки слегка прикрыты, нижняя губа оттопырена. Женат.

Закрепили его за опытным аппаратчиком – яркой, острой на язычок, статной блондинкой, Галиной Колесник.

Он не сводил с неё восхищенных глаз – похоже, влюбился не на шутку,

Но «женатику» не повезло – Галина невзлюбила и беспощадно гоняла новичка:

– Почему до сих пор кислород не в лаборатории?

Исмаат багровел, швырял все, что под руку попадало:

– ПАЧИму я, специалист с высшим образованием, должен носить эти прАклятые вёдра с жидким кислородом?!

Восток – дело, может, и тонкое, но предсказуемое.

Исмаат пригласил Галину в путешествие по античной Согдиане, ныне Самарканд – он родом оттуда.

– Повезло, – завистливо мелькнуло у меня в голове.

– Одна не поеду, – отрезала Галина.

На самаркандский вокзал Исмаат приехал на чёрной «Волге» с другом Рузи. Друг, понимаю, был предназначен для меня. Ну, спасибо!

Рузи – черноглазый, худощавый самаркандский таджик с весёлыми внимательными глазами. Историк и гид с торопливой русской речью.

С первого взгляда влюбилась я в тебя, Самарканд – один из древнейших городов мира с множеством сногшибательных объектов ЮНЕСКО!

Великолепная площадь Регистан, легендарная обсерватория Улугбека, средневековый мавзолей Шахи-Зинда – росписи на резном мраморе, мавзолей Гур-Эмир, где под нефритовыми надгробиями покоятся жестокий завоеватель Тамерлан – Хромой Тимур, его сыновья и внуки.

Мавзолей на холме Афросиаб окутан легендами. Там, по преданиям, покоятся мощи библейского пророка Даниила. Ходжи Данияр, называют его мусульмане. Античные мечети и храмы – все эти шедевры покорились нам в этот волшебный день, который завершился бесшабашным ужином в популярном узбекском ресторане.

Андижанскую польку выплясывали под всеобщие аплодисменты и плотоядные взгляды местных джигитов на мою яркую подругу Галинку.

Шурпа из молодой баранины с шалганом и зеленью, знатные шашлыки, бордовое узбекское вино, терпкий зелёный чай.

Ферганский плов с ачик-чучуком так и остался скучать нетронутой янтарно-жемчужной горкой.

Такси. Апартаменты.

Заранее было решено, что мы ночуем одни, но парни напросились на «чай».

Дубовые двери, высокие потолки, дорогая уютная мебель, изобилие курпачей и нарядных плюшевых подушек – чьё же это жилище?

Осмотрев комнаты, Галина приняла решение:

– Будем спать в зале.

А парни и не думали покидать квартиру – обманули, но поклялись не беспокоить.

Исмат попытался поцеловать Галину, но она увернулась, перевела попытку в шутку.

Разошлись по комнатам. Тишина.

Мы наскоро помылись. Прислушались. На цыпочках прошмыгнули в свою комнату.

У Галки сильные руки: ножка стула намертво воткнулась в позолоченную рукоятку двери.

Я вылупила на неё глаза:

– Гал, порядочные парни...

Она усмехнулась:

– За все надо платить, дорогая.

Осторожно волокли мебель, строили баррикаду.

Спать легли вместе на пузатом диване, укрылись курпачами.

Проснулись одновременно, как ошпаренные.

Скрипела дверь – её раскачивали с другой стороны.

Галка сжала мне руку:

– Не бойся! Мы в безопасности.

Движение за дверью усилилось:

– Галина Григорьевна! Альфия! Откройте, по-хорошему!

Голос Исмата менялся, просьбы, требования чередовались с ругательствами, дверь трещала, стул зловеще подскакивал.

Ни один Галин мускул не дрогнул.

Я мелко постукивала зубами – мне было что терять.

Часа полтора парни пытались выдавить дверь.

Упрашивали открыть. Уговаривали, обещали.

Уходили посоветоваться и возвращались. Требовали, угрожали.

Я пыталась образумить Рузи – он был трезвее и спокойнее Исмата.

Облом, мальчики!

В конце концов возня за дверями прекратилась.

– Пфух – выдохнули мы с Галиной и, обессиленные, упали на диван. Проспали до полудня, когда добралось сквозь окно до нас слепящее южное солнце, обещая новый день. Другой.

Торговый центр

Агнес Госсен

Торговый центр располагался в нашем райцентре рядом с рестораном и отделением милиции. Мой отец в те, доперестроечные времена, работал в другом магазине заведующим, но у него в универсаме было много знакомых.

Однажды к нам в гости приехала шикарно одетая заведующая складом сельпо, скажем, Веселова, со своим любовником, артистом Оренбургского театра оперетты. До сих пор не знаю, почему они тогда заехали к нам. Может, у отца была ревизия в магазине, и он пригласил их на ужин после ее окончания, или она сама напросилась, зная, что ей не откажут...

Я тогда училась в седьмом классе, отец купил нам пианино, и я стала учиться играть по нотам у нашей учительницы пения Елены Ивановны, но одновременно разучила сама несколько тогда популярных песен «Огромное небо», про пилотов, которые сами погибли, но город спасли, или про соседа, игравшего на кларнете и трубе, как только наступало утро.

Когда взрослые немного выпили и закусили, отец решил похвастаться моими музыкальными способностями и попро-

сил сыграть что-нибудь для гостей. Я очень неохотно согласилась и сыграла пару песенок, которым наш гость подпевал хорошо поставленным голосом.

Потом артист оперетты из Оренбурга, попавший к нам тогда будучи на летних гастролях, сам сел за пианино и начал петь арии из оперетт и одну песенку про достижения электричества, концовку которой я запомнила, хотя не совсем дословно, потому что моя всегда очень сдержанная мама смеялась над ней до слез. Что-то типа «Мрак электричество для нас развеет, мы с электричеством всего достичь сумеем: нажал на кнопку – чик-чирик – и человек готов!»

Примерно через десять лет мой отец узнал, что наши родственники уезжают за границу и готовы сделать оттуда нашей семье вызов на постоянное место жительства.

Я тогда только начала работать в своей бывшей школе учительницей после литфака, а одна из моих младших сестер была моей ученицей. Вот для нее отцу почему-то понадобилась для ОВИРА характеристика директора школы. Я ничего не знала о том, что он подал туда документы на выезд в Германию. Мы с мужем только построили дом, и никуда переезжать тогда не собирались.

Мой отец встретил возле школы директора, обсуждавшего что-то с физруком. Надо сказать, что он был из наших мест, тоже немцем, но еще и коммунистом, и патриотом, и перевели его директором в нашу школу только пару лет назад. Отец попросил у него характеристику для моей сест-

ры. Директор, узнав для какой цели она нужна, холодно отказал. Мой отец, знавший его еще со времен своей молодости, вспылал и воскликнул:

– Ах, ты, бюрокоат проклятый!

Директор написал в милицию заявление, что он был оскорблен во время исполнения своих служебных обязанностей моим отцом. Физрук школьный подписал его в качестве свидетеля. На следующий день отца посадили на 15 суток в КПЗ и заставили подметать окурки возле торгового центра. Многие его знакомые подходили к нему, расспрашивали, что случилось, кто-то даже угостил обедом в ресторане. Отец, не терявший чувства юмора и даже немного загордившийся своей негласной популярностью, отвечал, что на свежем воздухе и за казенный счет работать даже интереснее...

Позже в доме культуры устроили сельский сход, куда директор заставил пойти всех учителей со своими классами. Мне тоже пришлось туда идти со своими четвероклашками, но поскольку мест свободных уже не было, нам пришлось распределиться вдоль стены стоя. На трибуне выступало колхозное начальство и называло нескольких односельчан, подавших заявления на выезд, предателями родины, которые из-за временных трудностей или из-за того, что им не завезли вовремя угля на зиму, решили покинуть страну. Я чувствовала себя очень одиноко и неловко, потому что фамилия моего отца тоже была названа, а я стояла рядом со своими учениками. Сосед нашей бабушки к концу обсуждения

крикнул из зала:

– А что будет дальше? Мы вот их обсудили, можно им теперь ехать?

Все в зале засмеялись, сход был окончен. Конечно же, никому тогда выезд не разрешили. Но еще через десять лет мои родители и сестры, переехавшие к тому времени на Северный Кавказ, уже во время перестройки получили долгожданное разрешение на выезд на родину своих предков, переселившихся оттуда после войны с Наполеоном. Из Пруссии они перебрались сначала в Данциг, а потом на Украину в Приднепровье в одно из немецких поселений. С тех пор отец в Германии при случае вспоминал историю о том, как он две недели подметал окурки возле торгового центра и гордился этим наказанием, как медалью.

А мы с сыном и семьей брата уехали через год по вызову родителей, которые там так скучали по внукам. Кто помнит 90-е годы, талоны на сахар, очереди не только за колбасой, но и за солью и спичками, полупустые полки в магазинах (почти, как сейчас, при карантине), но и коррупцию, особенно на Кавказе, наверно, поймут это решение.

А я тогда, когда в печати все больше стали писать правды о тех, кого Высоцкий в одной из своих песен называл «воры-коммунисты», о жертвах Гулага, где в 40 лет погибли оба моих деда, когда прочитала «Реквием» Анны Ахматовой, стала все больше задумываться о том, сколько всего умалчивалось в стране моего счастливого детства. Вспом-

нила я и рассказы отца, проведшего семь лет своей молодости в трудовом лагере в Перми, где он потерял два пальца на шахте. До нее они каждое утро шли они под охраной в сопровождении овчарок и «шаг право, шаг влево» приравнивался к бегству. Там одна треть российских немцев погибла от голода и непосильной работы...

Я поняла, что моя первоначальная эйфория, вера в чудо перестройки, была преждевременной – она повергла страну в хаос и беспредел. А страх за сына, которого могли забрать новобранцем на войну в Чечне, где позже погибло два его одноклассника, тоже повлиял на мое решение уехать.

Кроме того, Горбачев тогда говорил, что «Европа – наш общий дом», и я так сказать, переселилась из одной комнаты в другую, тогда более спокойную. Поехала не за колбасой, которой в торговых центрах здесь десятки сортов, а я до сих пор люблю докторскую и до сих пор покупаю ее время от времени в русском магазине иногда и сырки, называвшиеся раньше «советскими», и пряники, которые мы здесь называем ностальгическими продуктами.

Родители мои прожили трудную жизнь, но в последние ее годы были счастливы, что дети и внуки рядом, что все выучились и нашли работу в Германии.

Я же была счастлива, что попала в страну, которая вступив в Евросоюз, дала нам такую свободу путешествий, которая нам раньше и не снилась. Я объездила всю Европу, побывала в Канаде, куда после гражданской войны переехали сестры

моей бабушки по отцу и тетя моей матери по отцу. Там у нас сейчас почти полторы сотни родственников.

В России я тоже побывала несколько раз, как и многие немцы-переселенцы, имеющие там оставшуюся родню.

Я по-прежнему люблю русскую литературу и почти тридцать лет преподаю русский язык в народном университете. На курсах встречаются жители бывшей ГДР, когда-то учившие русский в школе, но со временем подзабыли. Даже дети немцев-переселенцев второй волны, которые язык еще не совсем потеряли, приходят, чтобы научиться читать и писать.

Многие немцы на мои курсы записываются перед намеченной поездкой в Россию по турпутевке или в командировку. После этих поездок, слышу от них много восторженных отзывов. Я думаю, что это – лучший вид народной дипломатии. Тем же, что не свободны от предрассудков по отношению даже к нам, переселенцам, говорю, что мы приехали сюда не за колбасой и рассказываю, почему моему отцу, так долго добивавшемуся выезда, пришлось подметать окурки на площади между отделением милиции, рестораном и торговым центром.

Маленький большой человек

Ольга Кузьмина

Почему я так ясно помню его? Последняя наша встреча была случайной – столкнулись на пороге продуктового магазина. Сердце дрогнуло: «Веня!» – и облилось теплом и светом.

Он тоже меня узнал, и залопотал что-то, показывал, какая я стала большая и красивая.

Я взяла его за руки, он долго тряс их: «Ммммм... та-та-та-та-та..оооооооо!»

Положил руку на голову моего сына, мычал восхищённо, показывая, как сильно мы похожи.

Улыбался широко и радостно, сопел и пыхтел. У этого старика по-прежнему были глаза ребёнка... Потом положил сумку с продуктами на санки, такие же маленькие, как он сам, помахал рукавицей и ушёл.

С тех пор я его не видела.

Знаю, что нашего Вени уже нет в живых. А вот глаза его помню.

В нашем посёлке был интернат для глухонемых. Старый зелёный двухэтажный дом. Высокий забор, большие окна.

Стоял он в самом центре, но был каким-то мрачным и тёмным. Я не помню, чтоб туда заходили посторонние люди. Живший в нём народ сторонился нас.

Веня тоже жил в доме глухонемых. Я думаю, что он и освещал этот старый дом.

Каждый день в конце пятого урока со стороны котельной школы появлялась маленькая фигурка Вени. Он тащил за собой санки.

Останавливался у крыльца школы и терпеливо ждал. Иногда у нас было шесть уроков. Веня всё равно ждал.

Он заходил в фойе школы, садился на скамейку. Как только звенел звонок с урока, он шёл на улицу и вставал у крыльца с санками. Он ждал нас с Наташкой.

Когда-то случайно Веня увидел, как мы пробираемся к проруби, проверяем лёд на крепость. Кинулся к нам, как коршун, и страшно залопотал, выпучив чёрные цыганские глаза.

Схватил нас за рукава пальто и усадил на санки, портфели сунул в руки. Так, гневно мыча и сопя, Веня довез нас с Наташкой до перекрёстка.

Остановился, показал жестом, чтобы бежали домой.

Веня любил детей. Мне кажется, он был бы лучшим отцом на свете, но судьба не дала ему такой возможности. И всей силой большого сердца он тянулся к нам.

Сначала над нами смеялись – странно выглядела наша троица.

Всю зиму Веня возил нас на санках домой. Как только снег растаял, он просто шёл поодаль, неся наши портфели.

Мы знали, как рассмешить Веню. О, это было легко!

Жестами он спрашивал нас, какие оценки мы получили сегодня. Мы делали печальные глаза и показывали два пальца. Веня смеялся кудахтающим смехом и отрицательно тряс головой.

Потом показывал пять пальцев и кивал головой уже утвердительно. Он радовался – радовались и мы.

Потом все привыкли и перестали смеяться над нами.

Так прошло два года. Мы не боялись бродячих собак и хулигана шестиклассника Женьку – с нами всегда был Веня.

Собаки его любили, а Женька боялся.

Потом Веня исчез.

Детская память короткая. Мы и не вспоминали его уже через неделю. Школьная жизнь – походы, уроки, влюблённости – захватили нас.

Приехал обратно Веня в одном ноябре. Мы уже учились в восьмом классе.

Он был худ и бледен, кажется, стал еще меньше. А глаза остались такими же добрыми и смеялись.

Говорили, что он сильно болел и где-то лечился. И что многие от этой болезни умирают, а Веня выжил.

Завидев нас издалека, Веня махал рукой, снимал шапку и кланялся. Он уже не подходил к нам, видел, что мы гуляем компанией.

Как прежде, ничейные собаки бежали за ним плотной стайкой.

А недавно я узнала, что его звали Бенжамен. Нечаев Бенжамен Аленович. Его отец был француз. Вот такое странное имя было у этого маленького человека.

– Выходит, мы с тобой в первом классе уже по-французски говорили? – сказала Наташка.

И мы улыбнулись.

Зеленое стеклышко

Тея Либелле

Урок истории искусств у Карла Цайса был совместным. На десятиминутной перемене он разрешал мальчишкам погонять мяч во внутреннем дворике. Здесь, между мусорными баками, забив мяч Герману, трубач Отто ехидно сообщил, что дальше Герман заниматься не будет. Он подслушал разговор учителя с отцом, где тот говорил об увольнении отца Германа из-за тяжелой болезни.

Герман знал, что Отто завидовал ему. Он посмотрел на кисть своей руки и вспомнил, как Карл первый раз на прослушивании воскликнул: «Боже мой! Какое сочетание кисти и слуха! Вы, мое сердце, рождены стать великим скрипачом!»

По дороге домой Герман свернул на почту. От молочницы Сузанны он слышал, что детей берут на подработку разносчиками корреспонденции. Работа на два часа, но до семи утра. Герман любил поспать, но желание стать великим или хотя бы, знаменитым, будило его перед рассветом и буквально выталкивало в дверь, навстречу взрослой жизни.

Отцу становилось все хуже, денег в кошелке мамы все меньше. Единственное в чем они по-прежнему не отказыва-

ли себе – это вкусные немецкие булочки на завтрак. Купив ровно по счету, Герман пересчитал сдачу и вспомнил, что давно не заходил к ювелиру Гюставу.

– О, дорогой мой мальчик! – тепло приветствовал его старый ювелир. – Я слышал о твоих трудностях. Поверь мне, ты правильно сделал, решив зарабатывать себе на уроки музыки.

– Гюстав, но мне страшно, что однажды, вернувшись домой, мне мама скажет, что мой дорогой отец никогда не узнает, что я стал скрипачом! – выпалил Герман и разрыдался на плече у старика.

Гюстав достал из выдвижного деревянного ящика старую газету, свечу и спички.

– Не хватает только зеленого стеклышка. Ты должен добыть его сам. Завтра на рассвете произойдет солнечное затмение. Это астрономическая ситуация, при которой одно небесное тело заслоняет свет от другого. Сегодня новолуние. Луна обращена к нам неосвещенной стороной. И издавна считалось, что в это время происходят всякие чудеса. Надо загадать желание и на рассвете, закоптить зажжённой свечей стеклышко, стать спиной к солнцу и посмотреть!

Если бы кто поставил на кровать Германа в тот день счетчик движений, тот бы сосчитал несколько сотен поворотов с бока на бок. Во сне Герман искал правильное место для пункта наблюдения, перепрыгивая с крыши на крышу. Закрывал чужие ставни, коптил уже зеленое стеклышко и раз-

говаривал с Луной...

Утром в дверь громко постучали. Почтальон принес письмо из администрации города «N». Там сообщалось, что Герману, как победителю городского фестиваля имени Алленштайна, учрежден подарочный сертификат на обучение в Высшей школе музыки. Когда мама доставала письмо из кармана фартука, чтобы прочесть его ослабевшему от болезни мужу, на пол выпало зеленое стеклышко. Она подняла его у постели куда-то спозаранку отправившегося сына.

Этот и другие рассказы вы сможете прочитать в книге Теи Либелле «Стрекоза»

Менархе

Ирина Жук

Ткань с отпечатками, словно ее тронули жадные ладошки. Ладочки, слишком долго державшие любимые конфеты. Грязь.

Стыд. За коричневое.

Мамы нет. На работе.

Девочка сменила так позорно грязное белье. Она и так неуклюжий подросток, а тут такое. Страх наказания стиснул голову.

Ясно, что это ее тело так повело себя. Вышло из-под контроля. Как у маленькой, что не успевает в туалет.

Ткань упрекала своим доказательством.

Вечером пришла мать с работы.

Устало рассказала виноватой голове о матке.

Но стыд и страх остались.

Регулярные спутники боли.

Девочка еще выросла вверх. Еще обнимала кукол. И долго не понимала, зачем ей это наказание.

Луна превращала девочку.

Раз за разом.

В изгоя.

Миссия – пережить и скрыть.

Мужчине может стать дурно – нельзя при нем обнаружить.

Ее голова теперь зависит от календаря – и ее слова обесцениваются, если не то число.

И много неудобств.

А все началось с «шоколадного» дня...

Банановое танго

Светлана Мокряк

Иногда наша память ведет себя так, как будто она – и не наша, да и не память она вовсе, а своевольное, капризное, взбалмошное существо.

Вот ты сидишь, думаешь, вспоминаешь, как в старом немом кино, мелькают события и лица, строка за строкой рождается новая-старая история о домике в деревне и летних приключениях, о кружке парного молока и спелой малине, о теплом домашнем хлебе и верных друзьях.

– А о бананах?! О бананах ты забыла?! – врывается в стройный рассказ вредина память.

– Про манго, про манго помнишь?!

И озорно хохоча, закусив кончик выгоревшей на солнце тугой косички, она бежит по своим важным девчоночьим делам, оставляя меня за широким деревянным столом, где среди обычных огурцов и укропа, лука и сладких перцев на выскобленной добела разделочной доске лежит гроздь бананов и продолговатые, невиданные ранее диковинные плоды.

– Это манго. Они сладкие, а внутри – большая косточка! – торжественным шепотом говорит мне бабушка.

– Сестра моя приехала младшая, Женька, она и привезла.

Женька сидит тут же – за дальним концом стола и, доволь-но щурия глаза, наблюдает за собравшимися на «городское» угощение родственниками.

Была она самой младшей из троих сестер и единственной, кому удалось «выбиться в люди» – уехать в город и устроиться на легкую работу закройщицей в ателье мод.

Высокая, красивая, с волосами, выкрашенными в яркий блонд, с пухлыми губами, подведенными красной, модного когда-то оттенка «вырви глаз», помадой, Женька казалась экзотической заморской гостьей, райской жар-птицей с далеких берегов. Там, на этих берегах, было самое синее море, самое жаркое солнце и на самых высоких пальмах росли кокосы и бананы, манго и ананасы.

Рослые, белозубые мулаты грузили тяжелые ящики в трюмы самых белых теплоходов, и вся эта тропическая роскошь плыла в самый лучший город – баба Женя жила в портовом Илличевске...

Об остальном я узнаю уже потом, через много-много лет – про позднее замужество, про рождение долгожданного и единственного сына, про умение заводить «связи», обшивая нужных людей.

Образ заморской птицы поблекнет и потускнеет, очарованные дальние берега сменятся шумом и гамом южного базара...

А пока...

Пока я тихонечко и как можно незаметнее, надрезала жел-

товатую кожицу, маленькой ложечкой выбирала сладкую мякоть, и, маскируясь за помидором и огурцом, наслаждалась необычным вкусом.

Это была любовь с первой ложки!

И невозможно было устоять и остановиться – ложка за ложкой, кусочек за кусочком, банан за бананом...

К торжественному разрезанию от бананов остались только шкурки.

А манго в тот день я так и не попробовала.

Доставшаяся мне в качестве наказания косточка была бережно высажена в землю и каждый день, проверяя не возшло ли мое манговое деревце, я мечтала о сладкой мести – как вырастут и созреют плоды, как, не обращая внимания на слезы и просьбы дать попробовать хотя бы кусочек, я съем их сама.

Летели дни за днями, незаметно закончилось лето...

Детство, взмахнув кончиком выгоревшей на солнце тугой косички, убежало по своим важным девчоночьим делам.

Только память, моя своевольная, взбалмошная, капризная память, тихонечко присев рядом, протягивает мне на испачканной липким сладким соком ладони заветную оранжевую дольку:

– Это манго, помнишь?!

Счастье

Иралия Моисеенко

Двенадцать часов дня. За окном теплый солнечный день. Валентина просто сияет от счастья!

Еще бы!

«Вот Машка обзавидуется. А нечего было вообразить на той вечеринке. Только вокруг неё все и крутились. Даже на новое платье все взглянули мельком и к Машке сразу потянулись. А ведь я столько времени готовилась к тому вечеру. Портнихе строго наказывала, чтоб вырез был обшит золоченными оборками. Пуговицы чтоб были одна супротив другой и не отваливались, длина не стыдная.

А они вишь ты...»

Вспомнила Валентина это и уж так наседала на мужа-то, чтоб и ей купил такой же, ну не хуже, чем у Машки. «А и лучше давай, пошто жалишься? И штоб зеленый был».

– Петък, а Петък, а тут чё? Покажь сам!.. А, ну я так и думала. Ладн, иди уж гадай свой красворд.

«Не, ну надо же! Чё придумали-то. Фантастика ведь!

Ой, и счастье-то какое!

Счас, маленько разберусь и как начну ещё лучше-то Машки делать. Покажу я им».

– Вовик, Наташка, а ну быстра во двор! Подметить мне да варот. Мать занята. Потом гуляйт. Я позову.

«Ой, чё эта? Пагода. Ух ты! В сталице. Нада Таньке-то кинуть. Им в сталицах, небось, и на небо-то нема часу взглянуть. Вот абрадуется. Она с работы, а ей тута пагода на завтра. Еще благодарить будеть.

Ага, кино новое выходить. Анонс называется. Про любов! Эта важна. Нада девкам-то сабщить. Чтоб первые сходили, если чё. Потом расскажут, можа и мы с Петькой-то пайдём. Он не любить про любов. Пра вайну ему нада. Ну ничё. Я ж на его матацикли каталась. Потерпеть. А не захочеть, спать пойдёт в сарай.

Так, Светке, Лариске, Ольке, ещё ентой, как её, ну завхозша у нас, Марь Ванне, потом Никитишной, которая в столовке. Ой, чуть Ивановне не забыла-то. Етой стопудова нада. Она прям не работат, а всё про любов, да про любов. Вот придёт утром-та, переоденется и давай про любов.

Потом цельный день то за одним, то за другим ходить и опять про любов. Уже и домой пора, а она всё про любов. Вот за што ей деньги платют? Пушай в кино тихо сидить и будеть ей любов!

Ой, нитки-иголки, закон новый! Ты пасматри. Тока выложили. А я первая быстро всем счас накидаю! Закон запрешат есть на Рождество сладкие пирожки. Ну ты пасматри. Они чё там? Скоро Рождество, каких-то полгода-то осталось, а они чё придумали.

Вот Никитишной точно нада послать, она ж такие пирожки печёт: то с клубникой, то с изюмом, а ещё с вареньями всякими. А тута ей и низя! Вот, пусть печёт с картошкой и рыбой.

И Марь Ванне пошлю. Светке нада, Милашке, Катюхе тоже. Ой, так всем девкам-то послать. Поди печуть чой-то».

– Чё, голубочки, уже прийшли? Не звала? Так время-то... Батюшки. А чё ето, я ж тока села. А подмели? И за ворота? А я велела? И када слухать будете? Скучно? Гулять скучно. Вот мы в ваше время-то прятки, салки, попрыгалки... Эх, молодежь невыбитая. Отец вот не лупит. Тока газеты, красворды... Ну вы тама сами-то грейте борщу, йишьте. И папке дайте. Мне тут закон послать срочно нада. Тока вышел.

«Сматри, Светка обратно прислала. Читаю: «Дура ты, баба Валька, дура, телефон у Петьки выпросила, а читать не научилась. Закон, запрещающий есть на Рождество сладкие пирожки, которые по традиции выпекают как раз в период рождественско-новогодних праздников Оливер Кромвель принял в целях борьбы с грехом чревоугодия в 1644 году! Страна та называется Великобритания!»

Вот те на... Чё делать-то? Я ж не помню кому уже и послала-то. А пусть не пекуть. И ничё. С капустой, рисом можна тоже, грибочки там. А може за полгода забудуть закон и пусть пекуть. Нарушают пусть.

Ой, а вот песня кака задушевна! Я прям расплакалася. Душа ж развернулася во всю широту. Как варота наши.

Пусть послушат, очень они там засуетились, поди и некагда им, бедолагам. Этим троим, соседке, нашей музработне. А тем не буду, пушай свой телевизер смотрють. Тёте Паше точно нада, она так любить, када спивають, сама после обеда чуть не кажен день поётъ. Так, Нинке, Тамарке, да всем пошлю. Пусть поють. Своим мужикам».

– А ну пасуду-та памыли? Вытерли? Папке дали борщу? Давайте эта, уроки, партфель, молиться и спать. Сами. Быстро! Че там двойку схватил? Иди упражнения делат. Чё, буквы не мог паставить куды нада? Три раза пиши это упражненья-то. Чё низя? Скажи, мамка велела. За двойку. А пусть больш не ставить. Ну, давайте там, работаю я.

«О-ёй, проповедь кака! «Телефон как символ молитвы». Заслушалась. Как же он говорить. Батюшка святой. Вот Машке бы послушать. А то прям с рук не выпускают никогда. И Коляну нада. Прям в Церкви-то не оторвется никак, горемышный. А и всем нада. Ну всем не буду. Чёт не все любятъ.

Да, слова такие ладные. Мы как Змей Горыныч значить. А были люди. Вот те и здрасьте.

Ну ладна, поняла я уж.

Ой-ой, картинки чудо-то! Ух, мурчик, как развалился, лентяйка. Етого всем послать, милашка же. Только 10 человек? Тода ещё раз можна. Всем друзьям, соседям, коллегам, свекрухе, у неё есть кошка. Или кот.

Ой, чёт устала я сёння. Вареня вчера варила. Нет, ну хорошо-то было».

Валентина достала Молитвослов, почитала минут десять с наслаждением. Потом добавила: «Господи, спасибо Тебе за такую вещь-то чудну, какой Ты маладец. Придумал это, чтоб вот всякие штуки-то отправлять. Ну Ты супер! Умный очень. И добрый. Дай я Тебя поцалую».

Оторопев от нахлынувших чувств неожиданно для себя самой Валентина чмокнула губами кого-то выше.

День был прожит не зря!

Папин мальчик

Ольга Кузьмина

– Подержите немного мальчика на руках? Вы же всё равно врача ждёте.

– Да, но... а вдруг врач придёт, и нас вызовут? А когда его мама придёт?

– Не придёт. Отказник он, а у меня вызов. Вы просто бутылочку с водой дайте, если запросит. Но он не запросит. Знаете, они как чувствуют, что от них отказались, и просто рады рукам.

Медсестра выпалила всё это на ходу, уже в дверном проёме. Для неё это был просто вызов, а для меня перевернулся мир.

Мы сидели в приёмном покое и ждали дежурного врача. Я, муж и сын с диагнозом «острый живот». Муж и сын ушли посмотреть мультфильм в фойе больницы, я ждала их у кабинета врача. И вот...

Я осторожно села у пеленального столика, на котором лежал маленький человек с таким горьким началом пути.

Забыла спросить у медсестры, сколько ему месяцев. На вид около двух.

Он почувствовал, что рядом кто-то есть, улыбнулся и за-

кряхтел. Пошевелил губами.

– Привет, малыш. Как же так вышло?

Он замер и серьёзно посмотрел на меня.

Потом всем спелённым тельцем как будто потянулся ко мне и сложил губы трубочкой. Я осторожно взяла его на руки.

Мальчик молча смотрел мне в глаза.

– Хочешь водички? – я поднесла ему ко рту бутылочку.

Он с готовностью схватил резиновый сосок губами и несколько раз требовательно дёрнул его. Потом выплюнул, зевнул и через мгновение уже крепко спал у меня на руках.

Я даже растерялась. Мой сын никогда так быстро не засыпал. А тут... Я держала эту жизнь в своих руках и не хотела, чтобы доктор приходил.

Он придёт, распеленает, станет осматривать его. Мальчику будет холодно, а сейчас он так сладко причмокивает, распустившись во сне. Тёмные волосики слиплись от пота.

Я почувствовала тёплую влагу на руках. Написал, но даже не проснулся. Прижался, ловя момент женской нежности. Милый, бедный. Сколько их будет в твоей жизни, таких моментов?

Понимая, что нашего общего времени нам с ним отпущено совсем мало, я стала наговаривать ему быстро-быстро, шёпотом:

– Через месяц, нет, через неделю твоя мама одумается и вернётся, чтоб забрать тебя.

А если её уже нет, то всё равно придёт твоя мама. Она скажет: «Где мой мальчик? Дайте мне его скорей, я скучаю без него», и купит тебе красивые пелёнки, и игрушки. И будет водить в детский сад, и в школу.

Ему нравился мой рассказ, потому что бровки расправились, убралась горькая складочка на переносице, и мальчик во сне заулыбался. Круглое, как луна, личико стало ещё круглее.

Я рассказывала это всё себе, конечно, не ему. Так мне страшно было класть его обратно на холодный стол.

Я боялась, что он проснётся и увидит, что я ухожу. И подумает: «Вот, и она тоже уходит.»

– Вы с острым животом? Хотя нет, не вы, там мальчику двенадцать лет.

– Это мы, мы, просто он с папой мультики в фойе смотрит, я сейчас позову. А это мальчик, отказник, меня медсестра попросила подержать. Доктор, а куда его потом? После осмотра куда его отправите?

– В зависимости от осмотра. Если живот действительно острый, то в отделение, конечно.

– Да нет, этого мальчика куда? Отказника.

– А, ну, у этого, похоже, объявился папа. Должен приехать и забрать в течение часа. Не плачьте, не плачьте, а то я тоже заплачу с вами вместе. Да нет, конечно, не заплачу, посмотрелся уже тут всего.

Пеленая вместе с доктором маленького Сашу, это был Са-

шенька, я поливала его слезами счастья. А он молчал, смотрел на меня строго: «Развела тут сырость мне, ох уж эти женщины.»

Оказалось, что надо оставить сына в больнице, и, пока мы оформлялись в детское отделение, за Сашей приехал папа. Совсем молодой мальчик восемнадцати лет.

Он взял своего сына у меня с рук и ушёл с доктором подписывать документы.

На моих глазах судьба мальчика, подмигнув, взяла и повернула в другую сторону.

Это так здорово, правда?

Странник пустыни

Алла Кучер

«Не иди впереди меня – я могу не успеть.

Не иди позади меня – я могу завести не туда.

Просто иди рядом со мной и будь моим другом!»

(А. Камю)

Мне кажется, я знала его всю жизнь. И, конечно, мы обязательно должны были встретиться в этом мире. А, если не встретиться, то мне пришлось бы его долго искать не понятно где.

И, если бы не нашла, то я бы его придумала.

Рано или поздно, наши пути должны были пересечься в одной точке. В аномальной и нереальной зоне. И наша странная встреча случилась там, где почти нет жизни.

Когда он встречал нас в маленьком аэропорту, я его почти не рассмотрела. Темная ночь, кепочка, хорошее английское произношение. За приятным голосом угадывалась улыбка. Но ничего такого примечательного. Обычный гид. Но имя Алехандро мне всегда нравилось. Как и безумные звёзды, которые так хотелось увидеть в этом безлюдном месте.

Утром выяснилось, что Алехандро ещё и симпатичный парень. Это обрадовало. Все таки гулять по пустыне в при-

ятной компании веселее.

«Наверное, он меня невзлюбил», – такая мысль посещала меня неоднократно. Сначала он обломал планы с телескопом. Я же собиралась здесь увидеть звезды через сверхмощный телескоп ALMA. Станция с астрономами и телескопом рядом, рукой подать. Но Алехандро сказал, что мне это не надо и мы потеряем время.

Это неслыханная наглость, скажу я вам! Я прилетела сюда, на другой край земли, заплатив кучу денег, чтобы услышать, что мне это не надо. Только Алехандро не уступал, сказав, что покажет звезды в другом месте.

В первый день мы таскаемся по этой пустыне, где соль валется под ногами, а на камнях можно приготовить яичницу. И нет конца этим безжизненным камням. И не понимаю, зачем постоянно делать замечания, одергивать:

– Алла, ты отвлекаешься все время. Послушай меня!
Я слушаю! Ещё как слушаю!

Я прислушиваюсь всеми органами чувств, пропускаю его слова через мелкое сито ощущений и жизненного опыта. И не слышу ничего нового, но понимаю, что новое уже рядом. И, возможно, этот странный парень прав, и не так уж нужен этот телескоп со звездами в пустыне.

Эта пустыня заслонила собой весь мир. Горы и барханы. Человек, как песчинка, лезет на гору из песка, чтобы потом с нее спуститься на доске. Долина Смерти и байкеры, которые промчались и растаяли в пыли. Шапки снега на верши-

нах, гейзеры и даже пещеры.

– Ты слышишь, как она разговаривает с тобой? Ты готова услышать ее голос?

Мы идем по камням, и я чувствую себя просто учеником рядом с мудрым учителем. Алехандро говорит шепотом о простых вещах, но я слышу иначе. Голос и смыслы преломляется. Это все пустыня, я знаю.

На бесконечном бархане выбиваюсь из сил, падаю и говорю, что останусь здесь.

– Хорошо, – говорит мой таинственный проводник, улыбаясь – догонишь, когда отдохнёшь. Но сегодня вечером мы пьём на закате шампанское и ты должна это увидеть.

Да что же это такое!

Я бегу за ним, как послушная девочка. Слушаюсь и прислушиваюсь. К голосам, к биению сердца, к мелькнувшей тени, к несуществующим шорохам и шагам. Интересно, он откуда сюда пришел? Мне приходят в голову эти любимые образы Сент-Экзюпери – Маленький принц, капризная Роза...

Или же это приснилось... Ну, чего не увидишь в пустыне... Ах, все миражи...

Мы расстаёмся где-то на окраине мира. Он провожает до границы с Боливией. Я радостно кручусь вокруг столба с надписью «*Chile*», напеваю что-то дерзкое на испанском. Ах, да, вечное «*Besame mucho*», что ж ещё, ничего другого я больше не знаю.

Алехандро отдаёт паспорт после пограничных формаль-

ностей. И вдруг становится так бесконечно грустно и больно – прощание тягостная штука. Знаю, что больше сюда не вернусь и не встречу с ним.

Никто больше не скажет:

– Ты видишь, звезды отсюда другие, ярче и живее, чем через телескоп. Запомни это.

– Есть мысли, которые ты боишься произнести вслух... а здесь ты можешь это сделать.

– Почему ты здесь? Куда же ты идёшь?

И мне так важно знать, что где-то там, в фантастическом мире живет этот странник пустыни по имени Алехандро. Тот, кто хотел, чтобы я услышала и поняла пустыню, как он сам.

Только я не знала тогда, что можно просто идти рядом и быть другом.

Стэфа

Надия Маркова

Мы звали ее Стэфа. Цыганка сербского происхождения Стэфания – постоянная посетительница магазина тканей, в котором я работала после школы. Крепкая, лет пятидесяти, невысокая.

Две черные, с проседью и вплетенными монетками, косы вдоль лица под цветастым платком. Золотые серьги кольцами, позвякивание мониста, шуршание каскада разноцветных юбок. Терпкий запах табака и жасмина.

В магазине работали женщины, как и везде не очень счастливые, с нелегкой судьбой, одинокие. Стэфа всегда была желанной гостьей. Она уединялась с одной из работниц в подсобке и через время та выходила разгруженная с глазами, сияющими надеждой.

Цыганка всегда смотрела в корень, лапшу не вешала, говорила коротко, но по существу. Стоило гадание 3 рубля.

Поговаривали, что она не только гадает по руке и по картам, но еще обладает умением предотвратить что-то неладное, если увидит.

Я была новенькая, Стэфу побаивалась, особенно ее черных горячих как угли пронзительных глаз. Да и вопросов

у меня в мои 17 лет еще не накопилось. Но обслуживать ее мне было в радость.

Заработав немного денег, гадалка тут же, как говорится, – не отходя от кассы, тратила их на покупку очередного отреза на юбку. А это не менее десяти метров ситцевой или другой ткани.

Поиск подходящего – это отдельное театрализованное представление! Мы по очереди разматывали ловким движением рук рулон за рулоном. Волны красных, зеленых, белых, в цветочек, горошек, полосочку, клеточку или однотонных тканей, омывали, окутывали ноги цыганки. В ней расцвела женщина, красивая, сильная с каким-то необыкновенным чувством внутреннего достоинства. И конечно, как любой женщине ей сложно было сделать выбор. И она уносила с собой, иногда в долг, два и три отреза, гортанно посмеиваясь. Деньги всегда исправно возвращала.

Потом Стэфа надолго исчезла. Она вернулась месяцев через семь, но выглядела так, словно прошло семь лет – внутри ее оборвались струны и больше не звучала музыка. Черные глаза угасли, и на дне их плавали рыбки тревоги и боли. Пальцы рук были забинтованы. Гадать она категорически отказывалась. Рассказывать куда исчезла – тоже. После ее ухода в магазине уже не танцевали радость и смех.

Через время мы узнали тайну ее боли. Это была жуткая история. В Одессе пропала четырехлетняя девочка. Нонсенс по тем временам. 80-е годы. Девочку искали долго, везде,

все и не только милиция. Отчаявшейся матери посоветовали сербиянку.

Стэфия разложила карты, побледнела и выскочила из комнаты. Успокоившись, как могла она сказала родителям, что девочка мертва. Ее зверски убили, и тело находится на поляне недалеко от дома.

Вечером Стэфанию забрали в милицию. Как соучастницу преступления! Тело ребенка нашли там, где она предположила его закопали. Ее пытали, били, закладывали пальцы в дверь и зажимали там. Что ее спасло, – неизвестно. Может быть был найден истинный преступник. Ее выпустили со строгим наказом – не гадать!

Утекло еще немного воды в реке времен и в магазине снова появилась Стэфа. Мы обступили ее со всех сторон, с нежностью гладили по плечам, радостно хором о чем-то щебетали. Цыганка впервые за последний год улыбнулась. У меня к тому времени назрел вопрос.

Парень, с которым я встречалась без году неделя, два года писал мне подробные знойные письма, а в последнем письме сделал предложение. Человек он хороший. Добрый и говорит, что меня любит. А я? Я... не знаю. И других на примете у меня пока нет. А вот как-то душе непрязднично от этой вести.

Девчонки стали наперебой уговаривать Стэфу разложить мне карты и сказать, что же делать. Стэфия долго отнекивалась. Наотрез. Потом махнула рукой – была не была! Толь-

ко не здесь. Надо найти укромное место. Женщине казалось, что за ней все еще следят. Было договорено выходить не вместе.

Так и шли, соблюдая конспирацию. Цыганка, вжав голову в плечи и пугливо озираясь, шла впереди, а я – метрах в пяти от нее. Райотдел милиции находился недалеко от магазина, и Стэфа, видно, чувствовала себя ужасно. Я смотрела на ее спину и мне казалось, что она излучает страх. Меня тоже накрыли эманации сильнейшей тревоги. Я уже была не рада и хотела вернуться назад, но был договор не приближаться, пока она не даст знак.

Зигзагами мы дошли на задворки заброшенного завода. Сели на деревянные ящики. Стэфа начала доставать из недр своих бесчисленных юбок карты. Посмотрела своим взглядом черных как омут глаз на меня, потом на карты. Перетасовала колоду, сделала расклад. Покачала головой и прерывистой скороговоркой произнесла:

– Сейчас возле тебя увивается светлый король. Но это не твоя судьба. Ты выйдешь замуж за темного. У вас родится дочь. И вы разойдетесь...

Где-то вдали завывла сирена милицейской машины. Пламя животного страха полыхнуло во взгляде цыганки. Она сме- ла карты с импровизированного стола, мгновенно утопив их в складках своей одежды, обдала меня ветром взметнувших- ся цветастых юбок и испарилась.

Я растеряно смотрела то на ящик, на котором только что

была прочитана моя судьба, то в сторону, где так молниеносно растворилась цыганка. Потом разжала ладонь, в которой лежали в обмороке скомканные зелененькие три рубля, и ахнула.

– Стэфаааа!

P.S. все в моей жизни случилось так, как нагадала Стефа.

*Этот и другие рассказы Надии Марковой вы можете почитать в ее книге «**Все дело в шляпе**».*

Маленькая сказочница

Агнес Госсен

Моя внучка Юлечка не только очень любит слушать сказки, но и сама начала их сочинять уже в детском саду. Ее первую сказку записала студентка-практикантка и сделала для нее книжку – малышку, к которой Юля нарисовала принцессу и принца, который ее спас.

С тех пор я тоже начала записывать ее сказки. Как-то мы пошли с ней гулять и, когда я ее назвала солнышком моим, она сказала, лукаво улыбнувшись:

– Бабушка, а я ведь правда с солнышка к вам соскользнула по солнечному лучику.

Подняв руку и растопырив свои пальчики, она продолжила, – посмотри, как мои пальцы на солнце светятся! Я ведь не одна, а с солнечным зайчиком потом еще долго к вам на поезде ехала. Я здесь, на этой остановке сошла, а он дальше поехал к зайчатам в лесу. Они, наверное, так же любят играть с солнечными зайчиками, как наш котенок...

Вернувшись с прогулки, мы начали вместе украшать привезенную ее папой елочку. Моя подруга накануне передала для моей внучки маленький мешочек с разноцветными горошками и настоящими коричневыми фасолинками, кото-

рые я сначала приняла за шоколадные. Я спросила, не хочет ли она его повесить на веточку, но она высыпала содержимое на стол и захлопала в ладошки:

– Бабушка, это же настоящая фасоль! Ты знаешь сказку про фасолинки, которые выросли до неба? Давай мы их в горшочек посадим, – засутилась Юля.

Я нашла цветочный горшок с землей, дала ей в руки карандаш, которым она делала лунки, по которым распределила пять настоящих фасолин, а потом еще несколько коричневых шоколадных горошек из пакетика.

– Они, может быть, тоже вырастут до неба и у нас будет самая сладкая фасоль в мире! – заверила она меня.

Мы поставили горшок на подоконник, и я пару недель время от времени вечером после работы поливала посаженные фасолинки вместе с другими цветами, не очень веря, что из нашей затеи что-то получится. Каково же было мое удивление, что, когда внучку привезли ко мне в воскресенье днем, и мы с ней начали поливать цветы, вдруг увидели, что у трех фасолинок уже проклюнулось по два маленьких листочка. Ее радости не было предела! К сожалению, до неба они не выросли, а постепенно зачахли.

* * *

Когда Юля закончила первый класс, она с родителями в первый раз побывала в Хорватии, на море. Ее рассказам не было конца. Она даже родителям свои деньги из копилки отдала на бензин и мороженное! Когда они вернулись до-

мой, внучка привезла мне собранные там на берегу ракушки, из которых мы сделали рамку для ее рисунка, на котором по морю плавали золотые рыбки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.